

18+

ЕГОР КИСЕЛЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ АСЯ ПЕРВОГО

Егор Киселев

Возвращение Ася Первого

«Издательские решения»

Киселев Е.

Возвращение Ася Первого / Е. Киселев — «Издательские решения»,

Желая доказать старшему брату свою зрелость, юный королевич Ась выходит в море на утлом ботике и в назначенный срок не возвращается. На его поиски поднимается всё королевство, но результатов нет. И только старый варяг Тарлок уверен, что знает, где нужно искать. Король, не оправившийся от многолетнего траура по безвременно ушедшей жене, винит старшего сына. Старший сын видит в происходящем заговор и считает, что отец добровольно суёт голову в петлю.

© Киселев Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Возвращение Ася Первого

Егор Киселев

© Егор Киселев, 2026

ISBN 978-5-0070-3062-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Когда карета съехала с наезженного тракта на побочную дорогу, колёса её закрипели сильнее. Ась вытянул шею, чтобы поглядеть, не сделалось ли с ними чего дурного, но с его места их видно не было. Никто из его сопровождающих и ухом не повёл: ни кучер, ни слуга, ни Феликс Аполлонович — старый королевский дворецкий, которого отец отрядил приглядеть за сыном. Вернее, отец отправил Ася приглядеть за дворецким, поучиться уму-разуму, да мотать на ус, как люди работают.

Они держали путь на каменоломню, единственную в целой стране, где добывали мрамор. Король велел выбрать лучший материал для фасада новой фамильной усыпальницы, в которой два года назад упокоилась королева.

Феликс Аполлонович, конечно, справился бы с этой задачей и сам. Он руководил в королевском дворце всем строительством, ремонтами и дело своё знал хорошо. Но юный королевич сам искал у отца работы, чтобы мало-помалу вытягивать короля из тенёт его бесконечного траура.

Глядя на старого отцовского слугу, Ась думал, что он не такой простой, как кажется. Он любил напускать на себя глупый вид и задавал нелепые вопросы, но себе на уме соображал иначе. Только что он лукаво улыбался, поправлял седые усы и рассказывал о былых временах, когда от них требовали саблю держать крепче, да не жмуриться от пальбы. «А сейчас, — говорил он, утирая голову платком — молодёжь учёная пошла. Разбираются, как бушприт от форштевня отличить, чёрт бы побрал этих немцев, язык сломаешь».

— Так это ж совсем разные вещи, — взялся объяснять Ась, не улавливая иронии. — На любой корабль взгляните, бушприт — это такая мачта наклонная на носу корабля.

— Так я ж слепой, не разберусь, — отвечал старик.

— Ну, так подойдите поближе.

— Господи боже ж ты мой, — замахал руками Феликс Аполлонович, — я вообще воды боюсь! — Он с хитрым прищуром поглядел на юношу. — Дед ваш, на что был суровый человек, но тоже, говорят, боялся.

А теперь, когда они подъезжали к усадьбе, где их ждали несколько выставленных мраморных глыб, дворецкий стал серьёзен и строг.

— Ишь, бегают, — заметил он, глядя на суетившихся людей. — Не каждый день их королевские особы навещают.

— Надеюсь, их предупредили заранее, — сказал Ась, выглядывая в окно.

— Конечно, ваше высочество. Таков обычай. Они уже всё подготовили.

Экипаж остановился на пыльной проплешине рядом с воротами. Земля вокруг была ослепительно белой, где её не прикрывала выгоревшая на солнце трава. Зной стоял нестерпимый. Распорядитель приисков, невысокий господин, трижды вспотевший в своём торжественном костюме, глубоко поклонился, когда его гости вышли из кареты.

Он сбивчиво приветствовал их и пригласил с дороги отобедать, но Феликс Аполлонович, как показалось Асю, несколько бесцеремонно его оборвал.

— Сначала по делу, — сухо сказал он, — к чаю завсегда успеем. — Он сделал несколько шагов и обернулся к Асю, — если, конечно, их высочество не устали.

— Нет, нисколько, князь, — как можно твёрже ответил Ась, — давайте прежде разберёмся с делами.

— Видите, — кивнул Феликс Аполлонович хозяину, — король не посылает сыновей по пустякам.

Их провели через ворота на дорожку, отсыпанную ослепительной мраморной крошкой. На заднем дворе, на отведённой для этого площадке, возвышались три огромных камня пра-

вильной формы, недавно вынутых из скалы. Феликс Аполлонович обошёл их, поглядел со всех сторон, погладил. Один со сбитым углом привлёк его внимание больше остальных.

Ась следовал за ним, но не знал, на что старик смотрит, поэтому делал всё то же самое с видом, будто разбирается в мраморе.

— Этот, думаю, лучший. Как скажете, ваше высочество?

— М-м, — протянул Ась, глядя на камень, который был вдвое выше его ростом, — не знаю. У него же угол сколот.

— Это не помешает. Он такой высокий не нужен. Но тут не угадаешь, — он обернулся к хозяину, — мы возьмём все.

— Да, ваше сиятельство, — отозвался хозяин с поклоном и продолжил сдавленным тоном. — И всё же, может, ваши мастера на них сперва взглянут? Знаете же сами, какой капризный народ эти мастера.

— Нет нужды. — Просто ответил Феликс Аполлонович. — Ваши ведь одобрили?

— Ну, хорошо, — хозяин задумчиво пожевал губами, — тогда, ваше высочество, прошу, окажите нам честь. Пожалуйте к столу.

— Теперь, конечно, — ответил за Ася Феликс Аполлонович. — Правда, мы у вас не задержимся. Далеко ехать.

— Такой путь, ваше сиятельство, может, вы лучше у нас остановитесь? Вам подготовят комнаты. У нас тихо, и ночи звёздные.

Феликс Аполлонович взглянул на королевича.

— Спасибо за гостеприимство, — сказал он тёплым голосом, — однако ждут нас в Н. Их высочество обещались быть там сегодня к ужину.

— Как скажете, — вздохнул хозяин, — и всё же, не откажитесь у нас откушать.

Их проводили в большую столовую, обставленную по последней столичной моде с множеством картин на стенах и бюстов известных особ на декоративных каменных постаментах. Ась задержался у одной скульптуры. На юном лице мастер изобразил смесь гнева, тревоги и решимости. Маленькая позолоченная пластина гласила: Александр Великий перед сражением.

Издаലെка она выглядела как живая, только глаза выдавали в ней каменное происхождение. Зрачки были вдавлены, чтобы создать тень. От их вида неприятный холодок пробежал королевичу за ворот.

— Это что же, мраморные головы? — любопытствовал Феликс Аполлонович.

— Нет, — ответил хозяин. — Они из гипса. Это наши подмастерья делают, пока учатся. А постаменты, да, мраморные. Они из отходов. Не пропадать же добру. А там у нас, — он указал на шкаф, — шахматы стоят из мрамора. Опять же из отходов вырезали.

— Дорогие, наверное.

— Конечно, ваше сиятельство. Делали по особому заказу.

— Талантливые у вас подмастерья, — робко подал голос Ась.

— Не все, увы, — ответил хозяин, явно польщённый оценкой королевича. — Дело трудное, требует особого прилежания. Эту голову, — он указал на бюст Александра, — сваял ученик чуть младше вас, ваше высочество.

— Можно ли мне как-то поощрить его работу? — спросил Ась.

— Я передам ему ваше одобрение, — поклонился хозяин, — но боюсь, он нескоро вернётся. Я отправил его за границу учиться.

— И что же он вашей семьи отрок?

— Нет, ваше сиятельство, он крестьянский сын. Но больно способный малый. Отец его у нас на каменоломне трудится. Вот, пристроили.

— А если он не вернётся?

— Ну, так что ж. Такой талант — редкость. Грех было его без учения у нас тут держать. Захирел бы от скуки, а так, глядишь, он большим зодчим вернётся. Будет у нас великие художества делать.

— Ну, хорошо, — нетерпеливо вздохнул Феликс Аполлонович. — Давайте присядем на дорожку, да поспешим.

Стол сервировали по всем великосветским канонам. Камердинер Ася прошёлся по залу до появления своего господина и лично убедился, что приём соответствует всем правилам и законам высшего общества. Слуги шепнули ему, будто хозяева обращались за помощью к кому-то из самого Котовска, чтобы организовать приём.

Хозяин знал, с какой целью король искал мрамор, поэтому обошёлся без лишней помпезности. На большой приём не рассчитывали, и стол собрали сообразно. Ась не был голоден, но угостился дичью и местными пирогами. Ему всё понравилось, и столичный десерт, и чай. И даже лакеев, которые прислуживали им за столом, он не заметил.

Перед отъездом хозяин преподнёс юному королевичу подарок из личной коллекции. Его слуга принёс на фиолетовой бархатной подушечке другу чистейшего горного хрусталя. Кристаллы росли из общего основания, как языки пламени, вмиг навечно замороженные тайными силами природы.

Ась осторожно принял дар, размышляя про себя, где рождаются такие кристаллы.

— Экое чудо! — заговорил Феликс Аполлонович, предугадывая мысль Ася. — Это здесь у вас такие растут?

— Нет, конечно, — потупившись, отозвался хозяин, — это мой отец ещё нашёл. Не здесь, далёко.

— Так может, вы лучше оставите его у себя? — спросил Ась, поднимая глаза на хозяина. — Памятная вещь всё же.

— Берите, берите, ваше высочество. Мы люди скромные, нам ценнее, чтобы вы о нас помнили.

Через день король Маурзик выслушал доклад Феликса Аполлоновича и остался доволен. Ась знал, что дворецкий преувеличил его роль во всём этом предприятии. Он всё справил сам, Ась даже рта раскрыть не успел, да и где бы ему успеть, если он ничего не понимал ни в мраморе, ни в скульптурах. Отцу он ничего не сказал, только виновато отвернулся, когда старик его похвалил.

Подобные задания король давал сыну регулярно, всякий раз отправляя с ним своих доверенных лиц. Ась знал, они обязательно поправят, если он станет делать что-то не то, поэтому королевских поручений не боялся. Как на тренировочной дуэли или за партией в шахматы с нянькой, у него всегда была возможность отыграть неверное решение.

Слуги короля держались с ним мягко и обходительно, не бранили за ошибки, в общем, берегли его детство. Только один человек, с которым Ася столкнула жизнь, не соблюдал с ним высоких манер. Он происходил из варваров, то есть из самой низкой среды, и никакого образования не получил, хотя вовсе не слыл глупцом. Его звали Тарлок, и он служил в королевской гавани.

Это был старый служака, давно примкнувший к королевскому флоту. При дворе его не любили, а кое-кто даже убеждал короля, будто в прошлом Тарлок промышлял пиратством и ремесла своего не бросил. В разное время чиновники разного ранга и канцелярии следили за ним полглаза, но ничего подозрительного не нашли.

Между собой придворные редко говорили о короле в дурном тоне. Не из-за каких-то особых заслуг, а потому что выдающихся глупостей Маурзик не совершал. Он благодетельствовал по возможности всем знатым семьям, добром отвечал на добро, был великодушен с провинившимися. Если до него доходили судебные дела, он искал самое мудрое решение, даже если

оно в чём-то противоречило духу закона. И только Тарлок был пятном на его репутации, как и его спокойное отношение к варягам.

А ещё о Маурзике не говорили плохо, потому что искали возможности представить при дворе своих дочерей. Правда, государь пока что не давал для этого никаких возможностей.

Иногда Ась задавался вопросом о судьбе старшего брата. Он не получал известий от него с тех пор, как умерла мама. Он знал, отец непременно расскажет, если что-то случится. Иногда ему хотелось похвастаться перед ним своими успехами, он многому научился с их последней встречи, стал разбираться в парусном вооружении кораблей, отличать типы судов. С Тарлоком они постоянно сидели над картами торговых маршрутов. Наконец, ему хотелось рассказать брату, что они заложили на верфи несколько кораблей, и один из них недавно спустили на воду.

И вот в один день отец сообщил ему, что Лапен вернулся на родину. Произошло это так внезапно, что Ась от удивления выронил чайную ложечку. Лакей подал королю письма, как делал это каждый день. Король просматривал их одно за другим, и тут вдруг — брат вернулся.

Ложечка звякнула об пол, король оторвался от бумаг и поднял глаза на сына. Ась осмотрелся, не запачкал ли он случайно одежду.

— Ты чего?

— Ничего, — отозвался сын, принимая от слуги новый прибор. — Скоро он приедет?

— Проверит свои полки и домой. — Король взял новый конверт. — Через месяц, наверное, будет.

— Он часто вам пишет? — Ась незаметно поскрёб ложечкой по дну тарелки с кашей. Аппетит окончательно оставил его.

— Да, регулярно. А тебе?

Ась покачал головой:

— Ни одного письма за все годы.

Король хмыкнул, раскрывая следующее письмо.

— Это очень в его духе. — Он сделал паузу, чтобы прочесть послание, сложил его вдвое и положил на стол перед собой, как делал со всеми важными документами, которыми следовало заняться сразу после завтрака. — Слишком уж деловой он у нас вырос. И заграница его портит.

— Он и до отъезда со мной не разговаривал, — королевич оставил приборы и откинулся на стуле. Слуга, помедлив, убрал его тарелку со стола.

— Переживаешь? — Король пробежал глазами бумагу, отложил её и взялся за новый конверт.

Ась задумчиво кивнул, чувствуя, как против воли у него холодеют внутренности:

— Мы плохо расстались, отец.

— С ним все плохо расстались, не беспокойся.

— Он сказал, — Ась выдержал паузу, — будто я виноват в смерти мамы.

Король отложил письма и наклонился вперёд, будто хотел сказать сыну что-то секретное, но их по-прежнему разделяли несколько метров:

— Знаешь, меня он тоже в этом винил.

Слова отца Ася не утешили. Дела его омрачились тягостным ожиданием беды. Против воли он вспоминал последний разговор с братом, последние дни мамы, утерянное навсегда безмятежное детство, и не находил покоя.

Глава 2

Лапен приехал без предупреждения через двенадцать дней. Ночью. Ась с трудом засыпал после новостей о его возвращении и слышал, как слуги в темноте заносили вещи. В какой-то момент он даже хотел выйти к брату, но не решился. Вскоре шаги в коридорах затихли, но сон не шёл.

Последние дни дворец приводили в порядок, будто ждали короля, а не его сына. Маурзик делал вид, что вся эта суеда никак его не касается, но Ась заметил неуверенность в некоторых его жестах. За завтраком ему несколько раз попадались письма от Лапена, из-за которых он хмурился и откладывал другие бумаги. Более того, Ась видел, как отец ходит взад и вперёд по комнате матери, чего обычно не делал.

Когда утром Ась вышел к завтраку, Лапен наблюдал, как слуги сервируют стол. Со спины он выглядел, как вырубленный из цельного куска морёного дуба солдат, облачённый в строгий костюм немецкого образца. Вместо привычного кафтана на нём был тёмный приталенный камзол до колен, узкие штаны, чулки и башмаки, какие носили обычно иностранцы в немецкой слободе. Правой рукой он опирался на чёрную трость, с круглым массивным навершием. Рядом с ним стоял дворецкий, и по контрасту с упругой королевской фигурой напоминал оплавленную свечку.

— Всё-таки Феликс Аполлонович, распустили вы прислугу, — говорил ему Лапен. — Была бы жива королева, она бы вас за такое в порошок стёрла.

— Матушка-то? Да, бросьте, ваше высочество. Добрее её никого на свете не было.

— Вот, видите, рубашка мягкая, — указал королевич на пробежавшего лакея, расставлявшего тарелки. — Манжета вот жёлтая. Что же, прачки перевелись в государстве, пока меня не было?

— Это вы там, в заграничах, переживали за манжеты, а нам тут дел хватало, — улыбнулся дворецкий.

— Это вы у себя в имении прислугу распускайте, а тут — дело государственной важности. Приедет к нам посол какой-нибудь, а ему сливки подадут с пятном на манжете, он того гляди и кушать откажется. Я бы отказался. Если у короля лакеи в мягких рубашках ходят, страшно подумать, что за пределами замка творится.

— Я его величеству то же самое говорил, а он отмахивается, мол, не его это дело.

— И правильно отмахивается, Феликс Аполлонович. Это не его, это ваше дело. Устроили тут сельские торжки, понимаешь ли. Я не удивлюсь, если и сам король в мягкой рубашке спустится. Это, наверное, будет последнее, что я увижу в жизни.

Ась следил за их разговором и не мог взять в толк, ругается его брат на дворецкого или смеётся. Вроде слова он говорил обидные, но тон держал насмешливый, да и сам дворецкий сконфуженным отнюдь не выглядел, будто держал ответ не перед требовательным господином, а перед старым другом. Эта мысль даже вселила надежду в невыспавшуюся душу Ася, хотя он не верил, что на его счёт у брата найдутся тёплые слова.

Он шагнул вперёд. Лапен, оглянувшись, поприветствовал его коротким кивком и сказал дворецкому:

— Ну вот, Феликс Аполлонович, считайте, что одной ногой я уже в могиле. И это — великий князь, — он поднял вверх палец, — надежда и опора отечества!

— Что со мной не так? — обиделся Ась, оглядывая свою одежду.

— Видите? — Снова глянул на него брат. — Вы его и не научили даже.

Ась хотел возразить, но слуги закончили суетиться и Лапен обошёл стол, внимательно оценивая их работу.

— Знаете, — обратился он ко всем сразу и ни к кому в отдельности, — такое можно найти среди обедневших помещиков. Но там, — он указал куда-то в сторону, — даже купцы себе такого не позволяют.

— Что же, они неправильные приборы принесли?

— Нет, представьте себе, справились. Но, знаете, лоска не хватает. А он важен, понимаете? Вы не с сапожником дела ведёте. Да и что за комната! Я понимаю, моряков тут вином потчевать, а приедет сюда, прости господи, какой-нибудь каценеленбоген и поднимет вас на смех.

— А мы, ваше высочество, абы каких каценеленбогенов во дворце не принимаем.

— Тут не хватает ещё одного прибора, — Лапен посмотрел на дворецкого, — разделите с нами завтрак, пожалуйста, Феликс Аполлонович.

— Благодарю, ваше высочество, но мы так-то уже подкрепились, — ответил дворецкий.

— Значит, просто побудьте с нами.

— Это можно.

В эту секунду в зал вошёл король. Лапен поклонился отцу. Ась ожидал, что он скажет что-то оскорбительное, однако у него, видимо, не нашлось повода для придирок.

Когда Маурзик сел за стул и расправил на коленях салфетку, остальные последовали его примеру. Ему подали каши с маслом, чёрного хлеба, холодной буженины и сыру. Ась завтракал так же, а Лапен обошёлся двумя сваренными в мешочек яйцами и кусочком белого хлеба.

— Я привёз вам кое-что на пробу, — сказал Лапен, — уже распорядился подать.

Слуга внёс на подносе четыре чашечки, небольшой ковшик, сливочник и несколько кусочков сахара.

— Этот напиток называется кофе, его пьют обычно по утрам, он бодрит. Феликс Аполлонович, присоединяйтесь. Пить нужно так, — Лапен налил полкружечки кофе, добавил в него сахару, перемешал, налил сливок и подал королю. Следом сделал то же Асю и дворецкому, а остаток вылил в свою кружку. — Пить его нужно сразу, как заварится.

— Это, значит, за границей такое пьют, да? — спросил дворецкий.

— Давно уже. Мы от них в этом деле порядком отстали.

Король лукаво улыбнулся и подмигнул Асю, который перехватил его взгляд.

— Ну, а что ещё там интересного? — спросил Феликс Аполлонович безо всякой задней мысли.

— Там, друзья, много всего интересного, — помрачнел Лапен и тон его голоса сразу сделался холодным. — И кое о чём я хочу с вами поговорить, не откладывая. С вами в том числе, — Феликс Аполлонович, — удержал он за столом дворецкого. — Не уходите, пожалуйста. — Он выждал несколько секунд, пока все присутствующие обратят на него взоры и продолжил. — Пока меня не было, вы тут всё дворец перестраивали. Я ещё подумал, что за нелепица. Наверное, это вы так шутите. Ну, вот скажите, зачем вы перенесли тронный зал в бывшую оружейную комнату?

Дворецкий с сомнением поглядел на короля:

— Так их величество велели.

— Феликс Аполлонович, вы служите тут больше, чем я себя помню. Неужто вы не пытались их переубедить? — Он долго посмотрел на дворецкого, а потом перевёл взгляд на отца. — Я понимаю, ваше величество, вы хотели отгородиться от мира, но зачем же так мучить подданных? Сколько ступеней нужно преодолеть, чтобы удостоиться чести вас видеть? Двести? Вы-то дай бог один раз в день по ним ходите, а остальные?

Лапен оглянулся и увидел непонимание в глазах своих собеседников.

— Если б я был заморский купец, приехал бы в ваш дворец и добивался бы приёма у короля, я бы решил, глядя на эти ступени, что вы либо азиатчину тут развели и мне придётся ещё сто раз перед вами на колени пасть, либо вы тиран и мучитель, либо чего-то очень боитесь. И первый вариант кажется мне вероятнее остальных, потому что мучить людей и прятаться

от них предпочтительнее иными путями. — Он откинулся на спинку стула. — Вам-то небось кажется, что вы высоко сидите, всё видите. А на самом деле вы узнаете новости последним, ваше величество, потому что посыльному потребуется полчаса, чтобы к вам подняться.

Все стихли в зале, даже слуги вытянулись по струнке и старались не производить никаких звуков, дабы не угодить под горячую руку.

— Но и это не главное, — Лапен снова обратился к дворецкому. — Вы же знаете, Феликс Аполлонович, что стена оружейной комнаты смотрит на море, да?

— Так точно, ваше высочество, знаю.

— А знаете, что при морской бомбардировке эта стена примет на себя первый удар? Сколько попаданий она выдержит?

— Почему ты решил... — заговорил Ась, но брат порывисто поднял левую руку, призывая его молчать.

Никто больше не рискнул заговорить. Лапен поджал губы, глядя на собеседников, и хмуро продолжил:

— Дворец строили в пору, когда мортиры на корабли не ставили. А я видел корабли, которые созданы, чтобы обстреливать побережья. Да, в морском бою они уязвимы, но выжечь прибрежный город, порты, верфи, береговые укрепления — сколько угодно. Поэтому я спрашиваю, выдержит ли эта стена прямое попадание единорога?

Он посмотрел поочерёдно на своих собеседников. Феликс Аполлонович молча глядел в стол. Ась еле заметно качал ногой под столом, от чего вся его фигура мелко дрожала. На лице короля застыла тень от жестокой улыбки, какая бывает у людей, которым больно, но они не хотят этого показать.

— Выходит, наше государство можно обезглавить первым же залпом.

Лапен постучал пальцами по столу, ожидая, что ему возразят, и, не дождавшись, продолжил:

— Ну, положим, вы считаете, что стена достаточно крепка. Я шёл сюда утром и не видел на башнях ни пушек, ни дозорных. Но даже если бы там стояли пушки и прислуга, где они держали бы порох и ядра? Или вы прикажете им всякий раз по вашей бесконечной лестнице бегать? — Он покачал головой и вздохнул. — Зрительную трубу я пересылал вам — где она?

Глава 3

Котовия располагалась на островах, и многие годы этот факт внушал её жителям ощущение ложной безопасности. Коты воду не любят, и мало кто по собственной воле погрузится на корабль. Так думали обыватели, пока морские разбойники не повадились грабить прибрежные деревни. А деревень на берегу было много, поскольку промысел рыбы Котовия вела широко. Настолько широко, насколько это только возможно, не выходя в море.

Но мир менялся, и выгода от торговли между странами настолько выросла, что многие отчаянные коты преодолели в себе первобытные страхи и отправились-таки покорять водную стихию. Вслед за ними потянулись к морю и плотники, и оружейники, и виноделы, и ткачи, и широкое множество другого народа, чтобы добыть на новой ниве хлеба насущного.

Закончив в тишине завтрак, Лапен обратился к дворецкому:

— Вы можете идти, Феликс Аполлонович. Я пришлю за вами позже. И я не заставляю вас ещё раз идти по этой чёртовой лестнице.

Дворецкий поднялся.

— И распорядитесь, — продолжил королевич, — чтобы прислуга пересмотрела всю свою одежду и больше в мятном платье перед королём и его гостями не являлась. Перетрясите всё, если не в честь королевского двора, то хотя бы в память о покойной королеве пусть в этом доме будет порядок.

— Сделаем, ваше высочество, — тихо поклонился дворецкий и вышел.

— Нам тоже можно уйти? — улыбнулся король.

— Да, ваше величество, если вам нечего сказать, — не глядя на него, ответил Лапен.

— Будет война? — робко спросил Ась.

— Непременно будет. — Лапен вчетверо сложил салфетку, которая прикрывала его колени, и положил её на стол слева от себя. — Не сегодня-завтра, так через год-два, — он хмуро посмотрел на брата. — Вы не представляете, как сильно мы отстаём. И я даже не знаю, — он скорбно понизил голос, — можно ли что-нибудь сделать, чтобы спасти страну.

— На нас же никто не нападает.

— Это пока не нападают. Я пробыл там два года, и не было ни дня, чтобы я не находил следов грядущего нашествия. Я сперва думал, что они между собой воевать собираются, им там тесно живётся, знаете ли. Но есть на континенте одно слабое место, которое неудобно всем. — Он поглядел по сторонам. — Есть у вас под рукой карта?

Король кивнул слуге, и тут же на стол лёг тяжёлый рулон — карта Котовии, захватывающая также часть континента, отделённого от Котовии проливом.

— Так вот, — Лапен встал и подошёл к отцу, — последние двести лет мы воевали с варварами. Пока их ничто не заставляло идти на запад, они нам не докучали. Но их потеснила степь, по сути их с востока прижали к морю. На этой карте нет их территории, но поверьте мне, кроме трески там ловить нечего. Поэтому они погрузились на свои лодки и поплыли, куда ветер тянул. И расселились везде. У них повсюду колонии, даже на островах, которые ни на одной нашей карте не сыщешь, в том числе сильно западнее нас. Вам кажется, что наши варварские соседи вам верны, потому что платят налоги в нашу казну, а у них своя бухгалтерия, и будьте уверены, они за своими деньгами ещё вернутся.

Лапен жестом подозвал слугу:

— У вас общая карта есть?

Тот ничего не ответил.

— Я же присылал вам карты, отец. В общем, раньше народы на континенте расселялись, где место было, пока с востока их не подпёрла степь. Не только наших дикарей, а вообще всех. Там течёт великая река, за ней, говорят, никакой жизни устроить не получается.

Условия суровы, и местные племена достаточно воинственны, чтобы договариваться. Сколько посольств к ним не отправляли, толку не было. Сколько бы армий к ним ни высылали, никто не возвращался. А сами степняки лодок понабьют, переправятся ночью где-нибудь, ограбят прибрежные поселения, народ в плен уведут, и поминай как звали. В общем, там никто по-хорошему не селится, только гарнизоны стоят. Поэтому они все на запад стремятся, а тут, на западе, мы. И у нас тут живётся хорошо и привольно, места много, погода тёплая, и совсем нет армии.

Король слушал молча, слегка прищурившись. Ась хотел возразить, но Лапен не давал ему слова.

— Пока мы тут боролись с пиратством, — продолжал он, — народы на континенте перегрызлись, передрались и, наконец, поняли, что друг другу они сделать ничего не могут. Они друг у друга крепости осаждают, но не берут, потому что взять невозможно. А у нас тут такого раздолья не было, крепости есть, но они настолько ветхие, что на них и ядра не нужно тратить, они от одного только грохота пушечного развалятся. Кое-где у вас на плане крепость, — он указал несколько мест на карте, — а на деле там земляной вал. И не нужно надеяться на пролив на востоке. Это не пролив уже, а широкая речка. Да не очень-то и широкая. Её блоха с разбегу перепрыгнет. Наши предки тоже родились не здесь, а однажды перешли с континента, и пролив их не остановил.

Он посмотрел на отца и брата.

— Я знаю, о чём вы думаете. Дескать, у нас же договоры, открытые границы для купцов, мы защищаем торговые пути от пиратов. Всё так, да. Но договариваются с сильными. С теми, кого ограбить нельзя. А нас — можно. Так что ждите, что договоры вскоре утратят силу.

— Что это мы вдруг так ослабли? — не выдержал Ась.

— Это не мы ослабли, друг мой, это наши соседи подросли и окрепли. И не вдруг, а исподволь. Ты думаешь, дед просто так завёл всю эту телегу с полками нового образца? Вот ему делать было нечего, да? Вы помните, ваше величество, — обратился он к королю, — что ваш отец не любил сидеть в этом замке? Он боялся тут ночевать, ему там, в солдатском лагере, спалось лучше.

— При всём уважении к памяти твоего августейшего деда, — ответил ему король, глядя в карту, — мне кажется, его пример мало относится к делу. Он пережил набег варваров в прибрежном селе, когда ему было три года. Страх преследовал его всю жизнь, он поэтому даже к морю не выходил, хотя считался отважным воином и никому спуска не давал на турнирах и на поле боя.

— Мне он рассказывал, что варвары не знают жалости и никого не щадят.

— А ты теперь посмотри на них. Они обычные рыбаки. Да, грубоватые, да, неотёсанные. Чтут свои языческие традиции, но никого не трогают.

Лапен рассмеялся. От его смеха по спине Ася, пробежал холодок. Он почувствовал, как шевелятся волосы под рубахой.

— Не могут вчерашние варвары и грабители вдруг исправиться и стать добрыми сельскими жителями. Их внуки, может, и смогут, но не они. Нам вообще повезло, до нас долетела только пена их нашествия. У нас они заняли узкую полоску земли. А на континенте они держат в своей власти целые провинции, княжества и королевства. Но самое главное, они уже далеко не те грабители, которыми их видел дед. Грабить они, конечно, не перестали, но кроме набегов они теперь добывают руду, выплавляют из неё металлы и продают на всех рынках. На всех, кроме нашего.

Король поёжился на стуле.

— Вы же видите, что торговые суда идут не только с севера на юг, но и в обратную сторону. Что купцы им везут?

Ась покачал головой.

— Вы не любопытствовали? Нет? А стоило бы. — Он поглядел на брата исподлобья. — Например, было бы неплохо узнать, сколько пушек отлили для них немецкие мастера. Сколько пеньки, сколько льна, сколько вина, сколько дерева. Вы же видите, как проходят мимо вас караваны с рудой, вязанкой, слитками? Видите?

Ась растерянно смотрел в глаза Лапену и тот по лицу брата читал как в открытой книге. Он выждал несколько секунд, ожидая, что Ась скажет какую-нибудь глупость, и продолжил:

— В том-то всё и дело, что их корабли в наших портах не переваливаются. Они огибают Котовию западнее, а у вас создаётся впечатление, что они — всё те же морские разбойнички на утлых судёнышках. Их флот уже больше нашего. И не только по числу кораблей, способных выходить в море, но и по числу пушек. Я недавно получил донесение, что они хотят купить спущенный недавно на воду стопушечный линейный корабль.

— Что это за корабль такой? — спросил Маурзик.

— А вот давай нам об этом расскажет наш морской министр.

— Я? — удивился Ась.

Лапен демонстративно посмотрел по сторонам.

— Ну, а кто? — Он потряс головой. — Других министров тут нет.

— Впервые о таком слышу.

— Очень жаль. А о том, где растёт лес, из которого делают наши корабли, слышал?

Ась понял, что отвечать Лапену не нужно, что бы он ни ответил, всё вызовет у брата гнев. К тому же он не знал. Подчинённые короля не имели свойства задавать ему такие вопросы.

— А сколько льна пошло на паруса для корабля, который вы недавно спустили на воду? А сколько пушек на нём? А в какую цену он обошёлся казне? А как изготавливают порох и снаряды для ваших кораблей? И сколько они стоят? — С каждым вопросом лицо Лапена становилось злее. Со вздохом он прошёлся по залу и остановился так, чтобы видеть одновременно и короля и брата. — Нет ответа, да?

Ась молчал.

— А сколько человек необходимо, чтобы управлять этим кораблём? Скольких вы обучили? Где вы их наняли? Кто руководит их обучением? Где они учатся стрелять? Кто учит их абордажному бою? Где они берут оружие? — Он сделал паузу. — Я слышал, ты, братец, учился ходить по морю. Сможешь хотя бы юнгой на корабле служить?

— Я учился! — не выдержал Ась.

— Учился? — Усмехнулся брат. — И чему научился? Ну? Я жду. Когда кто-то учится, он что-то узнаёт, чему-то научается. Ты что узнал? Чему научился? Сумеешь посчитать, сколько корабль стоит? Сможешь организовать его снабжение? Знаешь, как посчитать стоимость экспедиции? Шпагой тебя учили махать, я помню. Хорошо научили? Сможешь командовать отрядом? То-то и оно, что ты не учился. Ты играл в игрушки, а его величество ничего не делали, чтобы это исправить. И теперь всё государство в заложниках у ваших игр. Жизнь людей зависит от того, когда вы, наконец, наиграетесь!

— В каких заложниках? Что ты несёшь? — Вскричал Ась, поднимаясь из-за стола.

— А в таких! Ты не знаешь, во сколько казне обходятся все эти ваши корабли. Ты даже не задумывался, что ваши игрушки отнимают у армии. Армии у нас нет. Я писал вам об этом много раз. Я сам смог вооружить и обучить по новому образцу тысячу человек! А просил десять тысяч обучить! И вооружить! И отлить для них пушки! А вы всё в кораблики играетесь.

Ась молчал, глядя куда-то в пол. Лапен смотрел на него, ожидая ответа, но ничего не дождался.

— Ты можешь, конечно, надуться и изображать тут смертельные обиды, — продолжил он, — мне мало дела. Пришло время уже повзрослеть. И я займусь твоим образованием.

— Я не стану тебя слушать, — сквозь зубы процедил Ась.

Лапен посмотрел на короля, тот покачал головой:

— Договаривайтесь, договаривайтесь, я за вас свою работу делать не собираюсь.

— Почему не станешь? Типа, ты и так всё знаешь? Давай проверим твои знания.

— К чёрту твои проверки, и тебя заодно.

— Тю-ю, — выдохнул Лапен. — Очень удобно. Можно ещё руки над головой поднять и сказать, что ты в домике. — Он обернулся к отцу. — Ваше величество, я убеждён, что сейчас нельзя закладывать новые корабли и спонсировать экспедиции. Нужно, прежде всего, реорганизовать армию, вооружить её как следует, и создать все условия, чтобы всё самое нужно мы создавали у себя сами. Вы же в курсе, что мы даже сабельное железо завозим? И медь с бронзой, и много всего другого важного, о чём долгое время в нашем государстве никто не думал.

Он успокоился и стал говорить медленнее:

— Дай бог, я ошибаюсь. Но вы не представляете, сколько небывлиц я там в свете о нас слышал. Что-то вроде, — он заговорил, окая, — лежит во странах дальних остров Котовия. Живут там коты зело беспечные, вместо артиллерийской науки веселятся вельми и животинам парнокопытным хвосты от лениности крутят, а о новых способах устройства армейского не слышаша и о развитии техники не ведут. Заместо того разбойницы по морю гнаша. Никакими тяжкими думами чело свое не омрачаша. А царь у них во вдовстве сидит и жениться не хочет, ибо хлопотно о государстве тужить, да со знатными людьми договариваться, да к иностранным невестам свататься.

— Да прикуси же ты язык, собака! — закричал Ась.

— Возьми себя в руки, — холодно ответил ему Лапен и обратился к королю. — Я человечески хорошо понимаю твоё горе, отец. Но ты отвечаешь не за себя, а за всю страну. За жизнь других людей отвечаешь. Это твой долг, от которого нельзя уклониться. Там, — он неопределённо указал в сторону, — огромное людское море, которое из-за твоей слабости завтра будет ввергнуто в пучину войны. Ты, ты учил меня, что у меня нет и не будет другой судьбы, кроме этого долга, только смерть. А сам? Если ты не хочешь отвечать за жизни своих людей, уступи власть мне — я буду.

— Ах ты змей! — Ась вынул из ножен шпагу.

Лапен устало сощурился, и, ни секунды не колеблясь, бросил брату сложенный платок, который торчал у него из кармана. Ась отпрянул в сторону и когда поднял глаза, Лапен уже нацелил в его сторону пистолет.

— Бах, — сказал он, — ты убит.

Ась бросился к нему, но в следующую секунду Лапен толкнул ему под ноги стул, и Ась об него запнулся. Лапен ногой прижал шпагу к полу.

— Видишь, брат, минуты не прошло, а ты уже дважды погиб.

Ась рванул, пытаясь высвободить клинок.

— Не дёргайся, — сказал Лапен тихо, — ломаешь. Потом сильнее расстраиваться будешь.

Ась не прекращал.

— Отпусти! — рычал он. Слёзы текли по его щекам.

Лапен спокойно отпустил шпагу, зная, что брат не будет больше с ним драться.

— Всё ваше рыцарское благородство только на пыльных страницах осталось. А побеждает тот, кто соображает быстрее, — Лапен помог брату подняться и отряхнул рукава его кафтана. Он попытался отереть слёзы с щеки Ася, но тот отвернулся.

— Ну, вот как корабли строить не знаешь, драться не умеешь. По морю ходить не можешь. Придётся тебя с азов учить.

— Могу, — тихо ответил Ась.

— Ладно, ладно, садись. Потом обсудим. — Он обратился к королю. — Ну, так что, ваше величество, поможете вы мне родину защитить от разорения и упадка или где?

Глава 4

— Что предлагаешь? — Король откинулся на спинку стула и облокотился на левое плечо. Он пытался скрыть от старшего сына неприятное чувство в теле, какое всякий раз остаётся после бессонной ночи.

— Для начала, — не обращая внимания на усталый жест отца, заговорил Лапен, — преобразовать армию по новому образцу. Ещё дед хотел её реформировать, но не успел. Под его началом я смог собрать и обучить пять полков и кое-как их перевооружить.

— Почему кое-как?

— Потому что у нас, например, пушки льют не по общему лекалу, а как бог на душу положит. Каждое орудие получается особенным, снаряды под одно не подходят под другое. Под каждое нужно подбирать свой заряд. И так далее. Случись что, новой прислуге придётся заново пристреливаться, учиться ладить с пушкой, разбираться в ней. А во-вторых, у нас есть отживший свой век порядок, по которому каждый солдат сам себе снаряжение собирает. Армии нужно всё одинаковое, чтобы легко заменить было. И оружие одинаковое, и выучка, чтобы они вместе работать могли. И солдат, и офицеров нужно непрерывно обучать, даже в мирное время. А у нас пока что не войско, а ополчение какое-то. Пока войны нет, солдаты землю пашут. Они уж и стрелять, наверное, разучились.

— Двести лет не разучивались, а тут — на тебе, разучились.

— Ещё дед жив был, мы проводили военные игры, и мои полки показывали себя лучше во всём. Они — уже армия, а не ополчение. Но их мало. И даже это ещё полбеда, отец. У нас в стране железа нет совсем, меди нет, а пушки отливать надо. Дед жаловал грамоты иностранцам, чтобы они строили заводы, — он указывал на карте места, где были заводы и прииски, — часть из них до сих пор работает, но они вывозят руду, потому что здесь её плавить негде. А нам металл нужен. И печи нужны. И его нужно много. Собственных пороховых заводов не хватает. Мы завозим порох, а если нам его поставлять перестанут, что будем делать?

Король слушал очень внимательно, Ась, справившись с чувствами, подошёл ближе. Ему было интересно посмотреть, однако Лапен, обернувшись, с улыбкой сказал:

— Можешь пока погулять, тут дальше скучно будет.

— Оставь, — велел король, — пусть послушает, поучится.

— Да ну вас, — бросил Ась и вышел из зала.

Ему было горько, что брат с ним так обошёлся. Он, конечно, не рассчитывал на тёплые отношения после того, как холодно они распрощались перед путешествием Лапена. Но и становиться мишенью для его красноречия Ась не хотел.

Он перешёл в Оружейную башню, вылез через окно на карниз, дошёл по нему до секретного лаза и спустился по стене вниз, силой воли подавляя накатывающие слёзы. Много лет назад он по той же стене поднялся в то же самое окно, из-за чего они с братом навсегда поссорились. Иную минуту ему хотелось отомстить Лапену, иную, доказать, что он тоже чего-то стоит. Но он не знал ни одного способа, как это можно сделать.

Впрочем, куда обиднее было то, что отец его никак не поддержал, не заступился за него. Более того, Асю даже показалось, что король посмеялся над их с братом дракой.

Сам того не замечая, королевич спустился к гавани. Тут всегда было шумно илюдно, как на базаре. Вдоль протяжённой набережной сновали моряки и торговцы, тут же закидывали свои удочки рыбаки, тут же они чистили и потрошили улов, тут же готовили его в намертво прокопчённых жаровнях. Босоногие мальчишки мельтешили между взрослыми, предлагая прохожим рапанов или крабов, которых они только что поймали своими руками. Тут же скрипели на волнах бесконечные лодки и яхты. И тут же по обыкновению обитался Тарлок, на которого Ась случайно наткнулся.

— Что же ты, ваше высочество, перед собой-то не смотришь? — спросил он с привычной усмешкой. Он всегда говорил Асю «ты», потому что, по его словам, в море нет времени для церемоний. И церемониться он с Асем не будет, пока тот ходит в его учениках. — Чего доброго ещё в воду свалишься. Почему ты такой хмурый?

— Брат вернулся, — вздохнул Ась и жестом предложил Тарлоку пройтись.

— Понятно, — многозначительно кивнул старый моряк. Говорил он медленно, раздумчиво, подбирая каждое слово, что удивительно подходило к его размеренному шагу. Ась удивлялся, почему старик, просидевший столько лет на берегу, до сих пор не избавился от морской походки. — Старшие братья, — продолжал варяг, — всегда вредные.

— Вы с ним знакомы?

— Нет, что ты, — он поглядел серьёзно на своего ученика, — я слышал, его высочество весьма высокомерен и до таких как мы не снисходит.

— Высокомерный — не то слово, — Ась обрадовался, что нашёл, наконец, того, кто может его поддержать.

— Чем он недоволен на этот раз?

— Да, ничем, так. — Ответил Ась, размышляя, как вернее всего донести до своего учителя суть их ссоры. Он боялся, что Тарлок займёт не его сторону, и не поднимал на него глаз, упорно изучая булыжники, которыми давным-давно вымостили набережную. — Лапен убеждён, что я ничего не умею. — Осторожно сказал он.

— Ну, это совсем неправда, — уверенно отозвался моряк и похлопал своего ученика по плечу, что делал крайне редко. — А ты ему что сказал?

— Да что бы я ни сказал, его не проймёшь. Он упёртый, как баран.

— Мне это знакомо.

— Правда? — Ась поднял на него глаза.

— Угу, — кивнул старик. — Мой старший брат тоже чёрт-те что вытворял. Однажды, когда я собирался на рыбалку, он стянул у меня весло. А в море выяснилось, что он ещё и руль на лодке подпилит.

— И что случилось?

— В море руль оторвался, — покачал головой Тарлок, — и лодка легла в дрейф.

— Далеко вас унесло?

— Не очень. Меня рыбаки вечером случайно нашли и вытащили.

— Что на это вам сказал отец? — осторожно спросил Ась, опасаясь, что задаёт слишком личный вопрос.

— Ничего. Его тогда уже не было в живых.

— Жаль.

— Такова моряцкая доля. Он не жаловался. — Тарлок замедлился, заметив вдали корабль. — Я, кажется, знаю, как можно переубедить твоего брата. Его нужно прокатить.

— Как прокатить?

— Выйти с ним в море. Посадим его на корабль, и вперёд. А ты заодно покажешь ему всё, чему научился. Только заранее не говори, на каком корабле выходить собрался, — улыбнулся моряк, — чтобы он ничего на нём не испортил.

Сперва эта идея королевичу очень понравилась, но с каждым шагом он чувствовал, как по всему телу разливается тревога, как слабеют колени, дрожат руки, как мурашки бегут по спине. Он не мог признаться учителю, что боится идти в море один.

— Хорошая мысль, Тарлок, спасибо. Но, — Ась немного помедлил, — боюсь, он найдёт к чему придраться. Да и я уже не уверен, что у меня получится.

— Я тебя всему научил, ты справишься. К тому же, кто знает, — он проводил взглядом лодку, входившую в бухту, — может, ему, как всем сухопутным, одного только взгляда на море хватит, чтобы признать тебя победителем.

— Нет, — неуверенно закачал головой Ась, — мой брат неробкого десятка. Он в одиннадцать лет не боялся из пушки стрелять.

— Ну, пушка выстрелила, и всё. Море коварнее. Не сомневайся, я помогу тебе, — убеждал его Тарлок.

— А какой вообще в этом толк, — остановился Ась, — если меня страховать будут? Он решит, что сам я ни на что не гожусь.

— Возьми ботик. Ты замечательно им управляешь, он лёгкий, быстрый.

— Я подумаю, — отозвался Ась и прибавил шагу, будто старался уйти от своего учителя.

Тарлок это заметил, и остановился:

— Дай знать, когда решишься, я всё подготовлю, — сказал он ему вдогонку и отправился по своим делам.

Ась дошёл до края бухты, где швартовались большие корабли, развернулся и побрёл обратно. Жилых домов тут уже не было, рыбаки не расставляли здесь свои удочки, не вели дела корчмари. Одни только склады и мастерские кругом. Никто в этих краях не узнавал королевича и не отвлекал его от собственных мыслей. А подумать ему было о чём.

Он не хотел попадаться брату на глаза и сам видеть его не желал, но понимал, что нельзя заставлять себя ждать. Ему нужно схорониться где-нибудь, чтобы он был рядом, и при этом не болтался по замку без дела. Ничего лучше он не придумал, чем вернуться во дворец и ждать новостей в маминой комнате.

Он взял с полки иллюстрированную книгу «Корабельное строение» немецкого автора и сел изучать. Читать он, конечно, не мог и даже не собирался, смотрел картинки и схемы с подписями, повторяя названия такелажа, снастей и парусов.

Лапен появился через час. Он подошёл тихо, Ась не слышал его шагов.

— Я знал, что найду тебя здесь, — сказал он, присаживаясь рядом на стул. — Как будто в детстве мы с тобой поругались, и ты пошёл жаловаться маме.

— Только вот жаловаться некому, — процедил Ась.

— Опять обиделся?

— Я знал, что ты будешь искать меня здесь. Не так уж я, видно, безнадёжен.

— Хорошо, если так, — Лапен глубоко вздохнул, — рад, что ты обо мне подумал.

— Я много о чём подумал. — Ась закрыл книгу и небрежно положил на кровать. — Ты вот говоришь, что я ничего не знаю и не умею. Ну, давай проверим. Давай выйдем в море.

— Как ни странно, — усмехнулся Лапен, — твоё предложение только доказывает мою правоту.

— К чёрту твою правоту, — холодно ответил Ась. — Давай выйдем в море.

— Думаешь, я не знаю, что ты умеешь ставить паруса или по вантам лазать? — Нервная судорога на миг пробежала по лицу Лапена, но он сумел сохранить добродушный тон. — Знаю, мне отец об этом писал, дескать, ты так увлечён, так много времени проводишь в гавани, разбираешься. И я спрашиваю, ты моряком будешь?

— Давай выйдем в море, — повторил Ась. — Или ты испугался?

— Даже если ты шпагу держишь лучше меня, какой в этом толк? Ты солдатом собрался быть? Мне нужно, и я писал об этом отцу, чтобы ты смог посчитать, сколько стоит снарядить корабль, чтобы он обошёл, например, вокруг нашего острова. И чтобы ты мог ещё сам такой поход организовать.

— Боишься? — не унимался Ась. Презрительная улыбка скривила левый уголок его губ.

— Ты думаешь, что жизнь — это приключение такое, — заторопился Лапен, — где ты делаешь всё, что захочешь? Сегодня на мягких подушках спишь, а завтра разрубаешь врагов надвое в лихом пиратском бое? Это весьма глупо. — Он наклонился вперёд и заговорил внушительнее. — Всякий человек в нашей стране волен выбирать свою судьбу, а ты, я и отец — не вольны. Мы призваны сюда, чтобы подбивать цифры, чтобы люди, чью судьбу нам вверил

Бог, не умерли с голоду или от болезней, или не пошли в рабство, потому что за морем кто-то решил, что торговать людьми на невольничьих рынках выгодно. — Он видел, что слова его ничего не меняют в душе брата. Всё выражение его лица, положение тела, жесты, всё говорило в нём: говорить не о чем. С большим усилием Лапен продолжил. — И ты не можешь ничего с этим сделать. Так что я тебе говорю, прижми свою задницу к стулу и учи глаголы. И так и быть, в хорошие годы ты сможешь на своей королевской яхте куда-нибудь сплавать.

— Испугался?

— Да, — ответил Лапен с улыбкой, подавляя обиду. — Если ты хочешь мне что-то доказать, садись в свою чёртову лодку и плыви. Вон, вокруг скалы обойди, которая недалеко от бухты. До маяка и обратно.

— Там четыре морские мили, — отдельно выговорил Ась.

— Значит, всего восемь миль. Возьми свой игрушечный ботик с парусами и шуруй. Покажешь всем, какой ты мореход.

— Парусным ботом нельзя управлять в одиночку.

— Ба, да тебе, оказывается, команда нужна? Ну, справься как-нибудь. Найди людей.

— Хорошо, — отозвался Ась, поднимаясь. Уши и щёки его горели, он с трудом сдерживал нервную улыбку.

— Дай знать, как соберёшься, — в спину сказал ему брат.

Ась выскочил в дверь, влетел в короля, ойкнул от неожиданности и побежал по коридору.

— Ты зря на него давишь, — сказал король, опускаясь в кресло, где только что сидел его младший сын.

— Ваше величество, — с обидой заговорил Лапен, — вы совсем распустили мальчишку. Он вообще не понимает, что от него требуется.

— Поймёт в своё время.

— А если времени нет? — он встал и начал вышагивать по комнате. — Ну, представьте, попал бы я под лошадь, пока был в разъездах, что бы с государством стало? Вы ему доверите страну? Я поэтому говорю вам, что нужно жениться. Мы не вечные, мало ли что с нами может случиться, кому вы передадите трон? — Он поднял книгу, которую читал Ась, вернул её на полку и вздохнул. — Вы, наверное, слышали, одно немецкое графство недавно осталось без наследника. Так получилось. Соседи разорвали это графство на части. И никто из них не подавился. С нами при случае поступят также, если не хуже.

— А ты можешь говорить об этом в другом тоне, примирительно? Думаешь, обидел его, и он тебя услышит? Он теперь назло будет делать всё не так, как ты скажешь. Ты в его возрасте также себя вёл.

— Не могу я, ваше величество, в примирительном тоне уже разговаривать. Я спать не могу, слышу, как маршируют за проливом солдаты. Как гремят замки ружей, и как пули свистят. Мы не готовы, понимаете, не готовы!

— Я слышал это уже однажды от своего отца, — сказал король. — Он также боялся. И знаешь, никто не приплыл на его страх.

— Но это не значит, что он зря боялся.

Глава 5

— Ну, и что он тебе сказал? — спросил Тарлок Ася, когда тот заглянул в его мастерскую. Он без ошибок узнавал о появлении королевича, даже не оборачиваясь к нему, чему Ась непрестанно удивлялся.

— Отказался плыть.

— Испугался, значит, — усмехнулся старый моряк, — так я и думал. Считай, что ты его уже победил.

— Не могу, — ответил Ась. — Я всё-таки собираюсь выйти в море. Мы договорились, что я обойду маяк на парусном боте.

— Не велика задача, — ответил Тарлок, возвращаясь к своей работе.

— Знаю, — Ась прошёл внутрь и заглянул своему учителю через плечо, тот доводил плотницкие инструменты на куске кожи. Перед ним на столе лежали стамески, нож от рубанка и пара кожаных ножей. — Но боюсь, что в одиночку не справлюсь.

— Справишься, мы много раз там ходили. — Он поднял нож к свету и, сощурившись, осмотрел режущую кромку. — Да и ботиком ты управляешь уверенно.

— Знаю, но всё же.

— Ты в курсе, что ножи этих рубанков куют из привозного металла? Ваше кричное железо для этого не годится, оно слишком мягкое, заточку не держит. — Он взял тряпку, чтобы вытереть почерневшие руки. — Но зато твёрдое железо обламывается, а мягкое — только гнётся. Это я к тому, что молодость и гибкость не обязательно порок, а твёрдость и возраст не обязательно достоинство. — Он бросил тряпку на верстак. — Не сдавайся. В лоб не прошибёшь, исподволь пробуй.

— Спасибо за доброе слово. — Ась опустил глаза. — Наверное, ты единственный во всём мире, кто меня поддерживает.

— Ты не похож на своих родных, так бывает. Я тоже на своих не похож был, поэтому и могу жить вдали от родины. Тому, кто собирается покорять океан, не с руки прикипать к суше.

— Ты тоже хотел покорить океан?

— Я этим и занимаюсь. — Улыбнулся Тарлок. — С вынужденными остановками, правда. Но ничего, придёт время, я отправлюсь к новым берегам.

Ась несколько секунд разглядывал инструменты, нервно постукивая носом сапога по дощатому полу. Множество чувств боролись в его душе, он не мог решиться.

— Думаешь, нужно плыть? — спросил он глухо.

— Конечно. — Тарлок даже удивился его вопросу. — Если ты беспокоишься, знай, у скалы бросил якорь большой корабль, поблизости будут люди, помогут, если понадобится. Да и я могу пойти следом за тобой и прикрыть, если будет нужно. Всё будет хорошо, не переживай. — Он сложил в ящичек заточные камни и снял фартук, не сводя глаз со своего ученика. — Какой бот тебе подготовить?

— Подготовь оба на всякий случай.

— Сделаем, — уверенно ответил старый моряк. — К вечеру будут готовы.

Ась робко кивнул и сделал нетвёрдый шаг к двери, но обернулся:

— Думаешь, лучше вечером выходить? Как причаливать-то против ветра?

— Ты десять раз до смены ветров обернёшься. А если не успеешь, придётся лавировать, как я тебя учил, — он показал рукой змейку. — На худой конец снимешь парус, да на вёслах дойдёшь.

— Ну, да, — поджал губы королевич. Он слабо стукнул кулаком дверную раму, подыскивая какой-нибудь веский предлог, чтобы отложить выход в море, но ничего не придумал и ушёл.

Тарлок тихонько хмыкнул и вернулся к своим занятиям. Он ждал, что Ась вернётся с вопросами, но никто не появился.

К обеду Ась вышел в глубокой задумчивости. Он медленно поднимался по ступеням, прикидывая в уме, что ему придётся держать экзамен, если он проговорится. Пока никто не знает о его приготовлениях, в море можно не соваться. Ну, посмеётся над ним брат, ничего же страшного, да?

В горле торчал ком, Ася слегка подташнивало. Он попытался выпить воды, чтобы стало легче, но немного облился, что не ускользнуло от внимания короля и брата. Лакей тут же подошёл к королевичу и заменил намокшую салфетку.

— Ну, что, мореход, готовишься? — спросил брат со злой усмешкой.

— Угу, — мрачно ответил тот. — Видишь, уже начал.

— А ты можешь посчитать, во сколько твой этот вояж выйдет нашей казне?

— Не дёргай его, — вмешался король, — надоело мне слушать ваши склоки. Уймись, наконец.

— Ладно, — выдохнул Лапен. — По мне так ответ на поставленный вопрос важнее любого плавания.

— Вот же прицепился, как минога, — тихо сказал Ась.

— Когда ты выходишь в море? — спросил Маурзик, посыпая себе в суп нарубленный укроп.

— К вечеру Тарлок всё подготовит.

— Этот пират? — Возмутился Лапен. — Почему он ещё не на каторге?

— Потому что отец ему доверяет. — Ась взялся за ложку, помешал ей бульон и положил обратно. Желудок сводило от голода, но даже запах еды вызывал неприятные чувства.

— До чего вы договорились?

— Нужно пройти вокруг Белой скалы и пришвартоваться там же, откуда я выйду, — сдавленным тоном проговорил Ась и откашлялся.

— Хорошо, — подытожил король, и бросил в тарелку пригоршню белых сухариков. — Больше за столом об этом ни слова. Ешьте.

— Подождите, ваше величество, — вмешался Лапен, — разрешите полюбопытствовать, на чём он собирается держать экзамен.

— На ботике, как мы и договаривались.

— Так тебе же нужна команда. Ты говорил, им нельзя управлять в одиночку.

— Тарлок считает, что я справлюсь и один.

— А сам ты, без Тарлока, что-нибудь посчитать можешь? — Нахмурился Лапен.

— Я справлюсь.

Ась вышел из-за стола прежде остальных. Он не мог найти себе места, и дабы набраться храбрости, поднялся на Оружейную башню посмотреть на море. Как Тарлок и говорил, у Белой скалы стоял на якоре большой галеон. Паруса на его мачтах были спущены, флаг с такого расстояния разглядеть не получалось. На небе не было ни облачка, ветер дул умеренный, стояла жара.

Ась понимал, что с подготовкой лучше не затягивать. Он спустился к себе, размышляя, что бы взять с собой на удачу. Потом с той же целью зашёл в мамины покои, но и там нечего не нашёл. Он хотел подняться к отцу, но боялся, что король станет его отговаривать. «У Лапена на такой случай был дед», — подумал Ась, спускаясь в гавань. Убедившись, что всё готово к отплытию, он послал за отцом и братом.

На причале на волнах качались два небольших ботика. На одном из них Ась делал свои первые шаги в мореходстве. Второй бот был точной копией первого, их на всякий случай заказали два. В последний год Ась их почти не использовал, и на них развозили почту и небольшие грузы по Котовской бухте.

Король и Лапен не заставили себя ждать. Ась боролся с приступом дурноты, но ему удалось взять себя в руки, и растерянным он вовсе не выглядел.

— Ну что, готов? — спросил король, крепко похлопав его по плечу.

К своему удовольствию Ась отметил, что отец немного волнуется.

— Так точно, ваше величество! — бодро отозвался он.

— Ну, тогда с Богом, — ответил король. И подтолкнул ботик, когда Ась занял место за вёслами.

— Ты что же всю дорогу грести будешь? — спросил Лапен, глядя на брата.

— Нет, — весело отозвался тот, знакомое радостное чувство придало ему сил, — из бухты выйду и поставлю парус. Идите к себе, отсюда видно не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.